

Л.М. Голиков
Вологодский институт права и экономики
ФСИН России

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА В ДИСКУРСЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АНТИСЕМИТИЗМА СССР (НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ 1946–1953 гг.)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111
 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза»*

В статье описываются особенности репрезентации идеологической нормы в дискурсе государственного антисемитизма СССР периода позднего сталинизма. Автор приходит к выводу о семантической сложности интенциональной нормы и обязательной персуазивности ее выражения в антисемитском тексте.

Антисемитский дискурс, тоталитарный дискурс, идеологическая норма, персуазивность, образ врага.

В статье представлены материалы доклада, сделанного автором на Международной научной конференции «Слово, текст, источник: методология современного гуманитарного исследования» (22–23 апреля 2022 г., Москва, РГУ им А.Н. Косыгина, Институт славяноведения РАН). Актуальность настоящего исследования обусловлена чрезвычайной важностью проблем национализма в разных его проявлениях не только в современной России, но и в мире в целом. Тезис Л. Гринфельд о том, что национализм «определяет современность, а не определяется ею» [8, с. 22], отнюдь не устарел: «...во втором десятилетии ХХI века происходило то, что уже не раз происходило в истории. Наблюдался реванш национализма, за которым в очередной раз последовало контрнаступление антинационалистических сил. Точка в давнем споре не поставлена...» [16, с. 28].

Институциональный антисемитский дискурс в качестве частного случая дискурса «этнического» национализма вызывает особый интерес, так как обладает значительной историей развития и, что самое ценное, преемственностью в этом развитии. Так, при всей очевидной разнице образцов государственного антисемитизма периодов Российской империи и Советского Союза на рубеже 40–50-х годов данные дискурсы обладают схожей персуазивной природой, базирующейся на представлении автора антисемитского текста о необходимости преодоления ситуации вреда, агенсом которой выступают евреи. Если в законе Российской империи о евреях такая необходимость истекает из религиозного противопоставления [6], то в антисемитских документах СССР – из политического. Однако и в том и в другом случаях это противопоставление несет фидеистический характер, основывается на идеологическом идеале, находящем свое отражение в идеологической норме. Именно по этой причине задачами настоящей статьи явились стремления описать семантическую структуру идеологической нормы в дискурсе государственного антисемитизма СССР (далее – ДГА) на примере документов позднего сталинизма и определить прагматические

потенции высказываний, реализующих идеологическую норму в антисемитском тексте.

Представляется, что дополнение сведений о наборе традиционных для антисемитского текста прагматических приемов, в том числе воспроизводимых в образцах ХХI в., обладает определенным практическим потенциалом в области лингвистической экспертизы.

Источниками исследования послужили документы 1946–1953 гг., собранные в издании «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до культуры, 1938–1953» [7].

ДГА рассматривается нами в качестве неотъемлемой части тоталитарного дискурса как «инструмента социальной власти» [2], несущего «лингвокультурный характер» [14, с. 3], обладает всеми его признаками: статусной ориентированностью [10, с. 278], идеологичностью [14; 19, с. 723], фидеистичностью [21, с. 76–78], ритуализированностью [11; 13; 15, с. 147–151], театральностью [21, с. 91], агрессивностью и персуазивностью [18, с. 72–139].

Для нашей работы важны прежде всего идеологичность, фидеистичность и ритуализированность ДГА, так как он предназначен выражать «особую идеологию» [19, с. 723] тоталитарного характера, которая порождает религиозную иррациональность и фантомность [21, с. 76], требует «соблюдения ритуала» [15, с. 147], имеющего определенный «магический» эффект [11]. Все эти особенности проявляются в таком семантическом феномене, как идеологическая норма, которая не находит в образцах ДГА прямого выражения, но репрезентируется высказываниями, реализующими истинностную оценку. Апелляция к истинности или ложности – традиционный прием для текстов, где истина репрезентируется как представление об идеальном мире, где осуществляется в высокой степени обязательное идеологическое регулирование, которое представляет собой тоталитарное давление «как в области мышления, так и в области языка» [17, с. 72]: *...Еврейский антифашистский комитет своими статьями и материалами за границу,*

создавая ложное представление о советской действительности, в которой будто бы ведущая роль принадлежит евреям, дает пищу для антисоветской пропаганды, клеветнически отождествляющей все советское с еврейским [7, с. 87].

При описании идеологической нормы, реализуемой в ДГА, мы исходим из представления о том, что она лежит одновременно в плоскостях эпистемического (это истинно), этического (это добродетельно) и нормативного (это обязательно), то есть представляет собой «правила идеала, говорящие о том, каким нечто должно, может или не должно быть», является «конъюнкциями оценочного и нормативного утверждений» [9, с. 169]: *2 февраля 1953 года я был арестован и мне было предъявлено обвинение в том, что я еврейский националист, враг Советской власти, американский шпион и убийца. <...> За свою беспринципную обывательскую болтовню и связанную с ней недопустимую ни с какой точки зрения оценку деятельности правительства в отношении евреев-специалистов (я убедился при этом благодаря разъяснению одного очень авторитетного юриста, старого коммуниста, в абсолютной ошибочности как всех слухов, так и моих предположений) я не только себя казню, но и морально тяжело переношу свой тяжёлый проступок* [7, с. 480–481].

Репрезентация идеологической нормы в ДГА в какой-то мере перекликается с онтологической интерпретацией права и морали Лейбница [5, с. 10–11], когда адресат идеологической нормы «мыслится идеально как разумное существо, которое наделено способностью проводить» некий идеологический идеал «в актах творения». Идеологическая норма, являя идеологический идеал, обладает «безусловностью и изначальностью» (Там же). То есть идеологический идеал – это не только абсолютная истина, «вечная, неизменная, единственная и принадлежащая к идеальному миру», открывающаяся человеку, а не открываемая человеком [1, с. 544, 545], но и нравственность [5, с. 10–11].

Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, этически «истинное противостоит недолжному, а не ложному» [1, с. 549], связывается с понятием долга [4; 12], то есть в дискурсе государственного антисемитизма прескриптивность идеологической нормы является прежде всего этической, когда автор антисемитского текста основывается на предположении о том, что субъект оцениваемого действия «знает истину» [20, с. 124] и соответственно должен являться носителем этических установлений, или долга. Идеологический долг – это «непосредственно осознаваемая внутренняя... необходимость» [3, с. 23] субъекта следовать идеологическому идеалу, быть преданным ему. Отсутствие идеологического долга или отказ от него позиционирует субъекта как находящегося вне данной этической системы: *У нас есть много оркестров, состоящих из преданных сынов нашего многонационального Советского государства, и нет необходимости возлагать эту миссию на народ (евреев), не показавший за всю историю своего существования образцов героизма и преданности. Единственное, что слышит и с чем сталкивается наш трудолюбивый народ, это воровство, жульничество, спекуляция,*

предательство и убийства со стороны этого малочисленного, продажного народа, одно слово о котором – «еврей» – вызывает чувство отвращения и омерзения [7, с. 346].

Такое внутреннее должно автору антисемитского текста затруднительно назвать, но возможно обозначить соответствие идеологическому долгу содержания какого-либо действия, преимущественно с помощью атрибута *правильный*. Таким образом замещается позиция истинного на позицию должного как добродетельного: *При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю тяжёлую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами вроде Михоэlsa* (Там же, с. 162).

Особенностью идеологической нормы, функционирующей в ДГА, является то, что она не лишена нормативной утилитарности, которую автор антисемитского текста определяет необходимостью охранения идеологического идеала. Достижение пользы в советском антисемитском тексте традиционно реализуется через преодоление ситуации вреда, агенсом которой являются евреи [6]: *Проверкой установлено, что деятельность Еврейского антифашистского комитета, как на заграничу, так и внутри СССР, приобретает все более сионистско-националистический характер и потому является политически вредной и нетерпимой. Вся деятельность ЕАК в настоящее время противоречит ленинско-сталинским взглядам на существо еврейского вопроса* [7, с. 91].

Нормативная утилитарность прежде всего подразумевает принуждение, определяемое условными социальными конвенциями [4, с. 19], то есть предполагает регулирование аномальных действий: субъект извне принуждается следовать идеологическому идеалу. В этом плане идеологический идеал понимается как истина, которая ставится в оппозицию ко лжи, или несоответствию содержания [20, с. 111–133] действия субъекта и идеологического идеала, определяемой враждебной аномалией: *Вам предъявлено обвинение в том, что вы, являясь еврейской буржуазной националисткой, проводили организованную вражескую работу против Советского государства, возводили клевету на политику партии и советского правительства, распространяли антисоветские националистические измышления и, имея изменнические намерения, предпринимали попытки к бегству за границу, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных статьями 19-58-1 «а», 58-10, ч. II и 58-11 УК РСФСР* [7, с. 410–411].

Компонент 'враждебное' можно трактовать как обладающая злонамеренным характером неискренность субъекта, или несоответствие между «содержанием предложения» и «мыслью» говорящего» [20, с. 121].

Атрибуты, указывающие на враждебность действия (*антисоветский, вражеский (враждебный)*),

противостоя определению *правильный*, выстраивают идеологическую оппозицию, которая ложится в основу репрезентации идеологической нормы в ДГА, что вполне отвечает принципу семантического (идеологического) примитивизма [14, с. 9]: ложное, порочное, аномальное (враждебное) противостоит истинному, добродетельному, обязательному (правильному).

Таким образом, выражая идеологическую норму, говорящий выступает субъектом эпистемической оценки и деонтического должествования (S), который знает идеологический идеал, или идеальное представление о советской действительности (P). Объектом эпистемической оценки выступает содержание (Q) действия субъекта (S1). Важно отметить, что в представлении S S1 обладает знанием о P. Своим речевым актом S определяет соответствие/несоответствие Q и P, искренность/неискренность S1, то есть реализует семантику, представляемую в наиболее общем виде как тождество/нетождество «отношений между элементами в различных совокупностях/множествах/сериях/рядах/комплексах и т.д.» в целом [20, с. 111, 113]. Если взять за основу определение И.Б. Шатуновского, то P, Q и «мысль» S1 представляют собой некие структуры.

P, благодаря своему идеальному характеру, является универсальной для антисемитского дискурса структурой действительности (отражает идеологический идеал – «истину»). Q и «мысль» S1 как интенциональные структуры (Там же, с. 116) несут частный характер и, следовательно, соотносятся/не соотносятся только с фрагментом P.

Деонтическое должествование реализует общее значение обязанности (этического и нормативного характера), предполагающего такую «идеальную структуру, “форму” действий и процессов» (Там же, с. 115), при которой не только Q соответствует P (Q=P), но и «мысль» S1. Важно, что нормой в данном случае является не сама по себе «форма» действия, а ее способность реализовать соответствующее идеологическому идеалу содержание.

В целом идеологическую норму как интенциональную норму, реализуемую в ДГА, можно условно описать в виде формулы, состоящей из двух компонентов. Первый – оценочный, отражает «истину», или идеологический идеал: истинно, что «советское» есть P. Второй – деонтический, подразумевающий обязывающее правило: «советское» должно быть P.

Любое действие, Q которого не соответствует P, является абберацией, получающей обязательное наименование в антисемитском дискурсе: «Ненормативные явления... не только имеют право на прямую номинацию, но они не могут быть обойдены речевыми сообщениями» [1, с. 85].

Наименования интенциональных действий, нарушений идеологической нормы, образуют ряды десемантизированных синонимов: *клевета – слух – измышление – извращение – вымысел; оклеветать (клеветать) – охаять (охаивать) – извратить (извращать)*. Эти ряды можно продолжать. «Десемантизация – это не полное обесмысливание... слова ритуального языка часто теряют не весь смысл, но часть его, как правило, сохраняя или даже приобретая оценочное значение» [13]. Так, члены указанных вы-

ше рядов в антисемитском тексте СССР не представляют каким-либо образом дифференцированные аномалии, а называют типизированное враждебное (злонамеренное) действие, Q которого не соответствует P. Их общими семантическими компонентами являются 'ложное', 'порочное', 'аномальное', которые в целом представляют идеологический макрокомпонент 'враждебное «советскому»', позволяющий в рамках ДГА рассматривать подобные слова в составе идеологем, реализующих идеологическую «установку (предписание)» [14, с. 43]: *После того, как Комитет не получил положительного ответа на свой проект, еврейские националисты стали усиленно распространять слухи о том, что антисемитизм в стране не пресекается, растет и приобретает уже форму государственного антисемитизма. Распространялись клеветнические антисоветские измышления по адресу руководителей партии и правительства, которых обвиняли в антисемитизме [7, с. 126]; Умышленное извращение ЗИЛЬБЕРШТЕЙНОМ и РУТЕНБЕРГОМ нашей советской действительности, передового советского производства, оснащенного самой передовой техникой, свидетельствуют о их прямом соучастии в клевете и дискредитации американским империализмом Советского Союза (Там же, с. 221–222); Участники сборищ также враждебно отнеслись к борьбе с космополитизмом и в этой связи распространяли различные враждебные вымыслы (Там же, с. 439); Будучи враждебно настроенным к КПСС и существующему в СССР государственному строю, АЛЬТМАН длительное время проводил подрывную работу в области театрального искусства. Клеветал на постановление ЦК КПСС, с националистических позиций охаивал советскую драматургию» (Там же, с. 316); *Пытаясь извратить политическую важность проводимых мероприятий по ликвидации вредоносной деятельности космополитов, еврейские националистические элементы распространяют различные версии о якобы имеющем место притеснении интеллигенции и скрытом походе против евреев (Там же, с. 327).**

Очевидно, что высказывания, констатирующие в антисемитском тексте интенциональные абберации, представляют евреев, агентов таких аномалий, в качестве идеологических врагов. Если учитывать базовую оппозицию евреи – неевреи, определяющую этнический характер ДГА, то следует отметить, что здесь реализуется общий политический принцип: «всякая... этническая противоположность» трансформируется в идеологическую [22, с. 312]: *Некоторые представители еврейской интеллигенции из числа писателей, журналистов, врачей, адвокатов, пользуясь популярностью и авторитетом, ведут линию на националистическое единение евреев, разжигают вражду к украинцам и русским. В кругах этой еврейской интеллигенции возродится антисоветская клевета на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, которыми якобы не созданы необходимые условия для национального существования евреев в СССР... [7, с. 101].*

В прагматическом плане такие примеры выступают в функции *argumentum ad personam* благодаря прежде всего этическому компоненту идеологической нормы, предполагающему оценку содержания действия в качестве идеологически порочного, что поз-

воляет определять подобные высказывания регулярным персуазивным средством, а антисемитский текст – преимущественно персуазивной формой.

Итак, идеологическая норма в ДГА представляется сложным семантическим комплексом, сочетающим эпистемический и деонтический модальные планы: объединяя истинное, добродетельное и обязательное (правильное), являет собой интенциональный образец и «форму» действия, способную это образец реализовать.

Идеологическая норма в ДГА репрезентируется посредством апелляции к враждебной «советскому» злонамеренной ложности действий евреев. Подобные констатации идеологических aberrаций евреев, которые в ДГА выступают в функции идеологемы, являются обязательным персуазивным приемом, направленным на формирование образа идеологического врага.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 88–120.
3. Бочкарев, А. Е. О чувстве долга как лингвоспецифичном концепте русского языка (в фокусе Национального корпуса русского языка) / А. Е. Бочкарев // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2019. – № 1. – С. 20–32.
4. Булыгина, Т. В. Концепт долга в поле должествования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва : Наука, 1991. – С. 14–21.
5. Герасимова, И. А. Деонтическая логика и когнитивные установки И. А. Герасимова // Логический анализ языка: Языки этики. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–16.
6. Голиков, Л. М. Закон Российской империи о евреях как националистический текст / Л. М. Голиков. – DOI 10.24224/2227-1295-2020-7-40-54 // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 40–54.
7. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / составитель Г. В. Костырченко ; под редакцией А. Н. Яковлева. – Москва : Материк, 2005. – 592 с.
8. Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности. / Л. Гринфельд. – Москва : ПЭР СЭ, 2012. – 528 с.
9. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – Москва : Издательство Московского университета, 1970. – 229 с.
10. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.
11. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–65.
12. Кошелев, А. Д. О языковом концепте 'долг' / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка: Языки этики. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 119–124.
13. Кронгауз, М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма / М. А. Кронгауз // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Текст : электронный. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krongauz1.htm> (дата обращения: 23.03.2022).
14. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Уральского университета. – ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
15. Левин, Ю. И. Истина в дискурсе / Ю. И. Левин // Семиотика и информатика. – Москва, 1994. – Вып. 34. – С. 124–164.
16. Малахов, В. С. Национализм: ускользающий объект / В. С. Малахов // Социология власти. – 2021. – № 2. – С. 8–30.
17. Мамардашвили, М. К. Мысль под запретом / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 70–78.
18. Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – Москва : Academia, 1996. – 192 с.
19. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
20. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. – Москва, 1996. – 400 с.
21. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса // Шейгал Е. И.: Семиотика политического дискурса : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шейгал Е. И. – Волгоград, 2000. – 440 с.
22. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 567 с.

L.M. Golikov

IDEOLOGICAL NORM IN THE STATE ANTI-SEMITISM DISCOURSE IN THE USSR (ON THE MATERIAL OF DOCUMENTS OF 1946–1953)

The article describes the features of the ideological norm representation in the discourse of state anti-Semitism in the USSR in the period of late Stalinism. The author comes to the conclusion about the semantic complexity of the intensional norm and obligatory persuasiveness of its representation in the anti-Semitic text.

Anti-Semitic discourse, totalitarian discourse, ideological norm, persuasiveness, image of the enemy.